

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'42+81'38+81'373+81'27
ББК Ш105.51+Ш106.551.1+Ш100.621+Ш100.2

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Татьяна Юльевна Тамерьян¹, Амина Мусаевна Шаипова²

¹ Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия, tamertu@mail.ru[✉], SPIN-код: 3901-9652

² Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия, shaipova@mail.ru[✉], SPIN-код: 8811-3370

Семиотика мануальной соматики в новостном политическом нарративе

АННОТАЦИЯ. В статье на материале семиотических конструкторов с соматизмом *рука* осуществлен герменевтический анализ вербальных и визуально-вербальных поликодовых текстов. Исследование нацелено на декодирование и интерпретацию когнитивных моделей поликодовых сообщений и описание алгоритмов концептуального аппарата политической семиотики. Методологическую базу исследования составил интертеоретический подход, в котором соединены культурно-семиотический, фрактальный и лингвокогнитивный подходы. Нами установлено, что политический нарратив разворачивается в форме сетевой фрактальной структуры на основе аттракторов, которыми служат новостные лиды и хайлайтеры, порождающие креативные переосмысления. Выявлен тип организации новостного нарратива, структурируемый как сетевой фрактал. Описана фрактальная структура когнитивной метафоры и приведена формула ее порождения. Осуществлена интерпретация семиотических комплексов *Рука Москвы/Кремля* и *Мертвая рука* как гиперметафор, выявлена структура построения многокомпонентных образов, эксплицирующих гиперконцепты, и прокомментирована вербальная, визуальная, кинетическая и колористическая символика синкретических семиотических конструкторов. С помощью семиотических инструментов осуществлен герменевтический анализ меметических сообщений, логотипов и коллажей. Приведены доминантные и вариативные семиотические единицы поликодовых фрактальных конструкций. Выявлена линейная зеркальная модель вербального фрактала и установлены его рамочные границы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новостной нарратив, новостной дискурс, новостные тексты, политический нарратив, политический дискурс, герменевтика, мануальная соматика, семиозис, семиотический комплекс, метафтонимия, сетевой фрактал, меметические сообщения, языковые средства, языковые единицы, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивные метафоры, поликодовые тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета международных отношений, Северо-Осетинский государственный университет; 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46; email: tamertu@mail.ru.

Шаипова Амина Мусаевна, преподаватель кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений; 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76, к. 3105; email: amina_shaipova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамерьян, Т. Ю. Семиотика мануальной соматики в новостном политическом нарративе / Т. Ю. Тамерьян, А. М. Шаипова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 166–177.

Tat'yana Yu. Tamer'yan¹, Amina M. Shaipova²

¹ North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia, tamertu@mail.ru[✉], SPIN code: 3901-9652

² Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia, shaipova@mail.ru[✉], SPIN code: 8811-3370

Semiotics of Manual Somatics in News Political Narrative

ABSTRACT. The article presents a hermeneutic analysis of verbal and visual-verbal polycode texts on the material of semiotic constructs with the somatism *hand*. The research aim is to decode and interpret cognitive models of polycode messages and to describe algorithms of the conceptual apparatus of political semiotics. The methodological basis of the study draws on the intertheoretical perspective, which combines cultural, semiotic, fractal and linguocognitive approaches. The authors have found that political narrative is unfolded in the form of a network fractal structure based on attractors such as news leads and highlighters that generate creative reinterpretations. The study has revealed a type of organization of news narrative, which is structured as a network fractal. The fractal structure of the cognitive metaphor is described and the formula of its generation is given. The article interprets the semiotic complexes *Moscow/Kremlin Hand* and *Dead Hand* as hypermetaphors, reveals the structure of multi-component images expressing hyperconcepts, and comments on the verbal, visual, kinetic and coloristic symbolism of syncretic semiotic constructions. The authors carry out a hermeneutic analysis of memetic messages, logos and collages using semiotic tools, describe the dominant and variable semiotic units of polycode fractal constructions, reveal and explore the linear mirrored model of verbal fractal, and establish its frame boundaries.

KEYWORDS: news narrative, news discourse, news texts, political narrative, political discourse, hermeneutics, manual somatics, semiosis, semiotic complex, metaphonymy, network fractal, memetic messages, language means, language units, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive metaphors, polycode texts.

© Тамерьян Т. Ю., Шаипова А. М., 2024

AUTHOR'S INFORMATION: *Tamer'yan Tat'yana Yul'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Specialties, Faculty of International Relations, North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia.*

Shaipova Amina Musaevna, Lecturer of Department of English No. 6, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.

FOR CITATION: *Tamer'yan T. Yu., Shaipova A. M. (2024). Semiotics of Manual Somatics in News Political Narrative. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 166-177. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Онлайн политические нарративы являются наиболее актуальным жанром, транслирующим обширные новостные сведения и доносящие их ценностную ориентацию до различных социальных групп. Новостные интернет-сайты функционируют в мультимедийном формате, предполагающем сообщения с вербальными семиотическими элементами, визуальными, аудиальными или полимодальными текстами, в зарубежной терминологии синкретическими [Cosenza 2020: 100].

В связи с тенденцией к использованию языка в разных регистрах с различными тактико-стратегическими приемами убеждения и оценки принято рассматривать политический нарратив, с одной стороны, как социальное явление, включающее серию коммуникативных событий между говорящим как убеждающим субъектом и аудиторией как объектом убеждения [van Dijk 2006], а с другой — как лингвокогнитивный феномен, направленный на манипулирование и контроль по отношению к эмоциям, убеждениям и реакциям аудитории [O'Keefe 2002].

Политический нарратив применяется в качестве актуального инструмента достижения целей политической деятельности. Таким образом, нарратив рассматривается нами как дискурс, направленный на создание новых смыслов посредством конструирования оценочных характеристик социально значимых реалий. Механизмы медийного воздействия ориентированы на убеждение и формирование общественного мнения, что способствует внедрению в медиа новой коммуникативной формы воздействия — персуазивности.

Мультимедийный формат подачи новостных сообщений обусловлен динамикой информационных потоков, актуальное прохождение которых обеспечивается электронными средствами массовой информации. Наиболее значимые для социума сведения манифестируются посредством синкретических кодов.

Семиотическое пространство новостного политического нарратива составляет поликодовая палитра вербальных, невербальных и гибридных элементов, включающих, как

правило, политические, военные, дипломатические, технические и социальные термины, специализированные невербальные и культурные символы и изображения.

Политическая семиотика направлена на осмысление и описание политической действительности с помощью семиотических инструментов, установление на основе различных дискурсивных практик спектра разнокодовых значений, включая традиционные образы и символы кодирования, раскрытие логики присвоения данных значений в свете задач приобретения или усиления власти.

МЕТОДЫ, МАТЕРИАЛЫ, ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Исследование направлено на герменевтический анализ вербально и вербально-визуально репрезентированных семиотических смыслов в российском политическом нарративе. В качестве основных задач предполагается выявление, декодирование и интерпретация когнитивных моделей поликодовых семиотических конструктов и раскрытие ряда алгоритмов концептуального аппарата политической семиотики по данным электронных СМИ. В качестве источника исследования были отобраны фрагменты поликодовых, семиотически осложненных текстов с соматизмом *рука*.

Политическая семиотика ориентирована на использование культурной семиотики в анализе политического дискурса/нарратива [Mihkelsaag 2018]. Синтез культурной семиотики и дискурс-анализа направлен на создание междисциплинарного подхода, который является основой для интерпретации моделей более сложного уровня [Selg 2016; Selg 2018].

В настоящем исследовании мы опираемся на культурно-семиотический подход, расширяющий возможности интерпретаций, как в концепции Михаила Лотмана, так и в концепции Эрнесто Лакло. Внутренняя неоднородность объектов описания допускает множественность интерпретаций в процессе анализа взаимодействия разнотипных кодов и пересекающихся структур. Данный подход демонстрирует диапазон резервов значений, порождающих новые смыслы в рамках определенных концепций, культур и онтологий. Межтеоретический принцип, соединяющий

онтологический и методологический уровни, эксплицирует онтологические основания культурной семиотики, значительно повышая герменевтический потенциал дискурса власти [Selg, Ventsel 2019]. Таким образом, культурно-семиотический подход позволяет осуществить множественность интерпретаций осложненного семиотического комплекса с учетом неоднородности внутренней и внешней структуры каждого объекта анализа с точки зрения разных ментальностей.

Основной целью политической семиотики является осмысление и описание политической действительности с помощью семиотических инструментов, установление на основе дискурсивных практик спектра разнородных значений, включая традиционные образы и символы кодирования, а также раскрытие логики присвоения данных значений в свете задач власти.

Неисследованной областью представляется изучение синкретики вербальных и невербальных структур как фрактальных схем. Фрактальный подход к семиотическому анализу поликодовых когнитивных метафор, созданных по принципу редупликации, позволяет устанавливать фрактальные модели, декодировать элементы когнитивных структур и выявить домены-источники.

Обращение к методу фрактального моделирования обусловлено не только применением его как приема организации семиотических блендов на базе вербального и визуального кодов, но и как способа разворачивания новостного повествования в политическом дискурсе.

Концепция фракталов в гуманитарных исследованиях была впервые применена Джудит Ирвайн и Сьюзан Гал при описании семиотических механизмов формирования теории социального значения. Это была первая попытка построения лингвистической теории фракталов, репрезентированных в качестве естественной, а не искусственной самоорганизующейся системы [Irvine, Gal 2000].

Сущность понятия фрактала (лат. fracturatus «сломаный; фрагментированный») сводится к рекурсивным процессам генерации подобных, нерегулярных и последовательных структур на основе соотношения фрагмента и целого. Свойства фрактальности формируются за счет рекурсии самореференциальных структур, эксплицированных устойчивыми смысловыми компонентами, сочетающимися с вариативными конструкциями. Фракталы как вербально-невербальные системы разворачивания новостного политического нарратива являются мощным инструментом для концептуализации насыщенных потоков информации в массмедиа.

В нашем исследовании мы выдвигаем предположение о том, что майнстримовские по значимости новости выступают в роли аттракторов, каузируя порождение вариативных повествовательных рекурсий. При определенных условиях когнитивные и аксиологические потенциалы аттрактора стабилизируются на одном значении, а в других имеет место бесконечный хаос интерпретаций в СМИ и соцсетях. Несмотря на то, что за границей перехода от порядка к хаосу фрактальная композиция диссипируется, сохраняется генетическая связь с первоначальной структурой в процессе флуктуации.

Мы постулируем, что новостной политический нарратив порождается в форме фрактальной структуры по типу горизонтальной сети, описываемой через временную зону относительной устойчивости и множасьейся с имманентными сетеморфными конфигурациями, обладающими креативным потенциалом самоорганизации.

Фрактальная метафоризация как способность к самопорождению, саморазвитию, реконцептуализации и познанию изменчивого мира представляет собой алгоритм бесконечного варьирования смысловых и структурных отображений реальности: «Метафоры — это кусочки истины; они свидетельствуют о способности человека видеть вселенную как единый организм» [Danesi 2008: 114].

Развитие теории когнитивной метафоры от статической модели (Дж. Лакофф и М. Джонсон) к динамической (теория бленда Ж. Факонье и М. Тернер) основывается на триединстве языка, культуры и сознания как открытых систем. Гибридная теория метафоры Маркуса Тендаля, в соответствии с которой ментальные репрезентации могут быть пропозициональными или образно-схематическими, «могут передавать экспликатуры, имплицатуры, образы и даже ощущения», подготовила почву для введения фрактальной парадигмы в теорию метафоры [Tendahl 2009: 195]. Фрактальная модель метафоры обеспечивает новую методику декодировки и интерпретации синкретических текстов, которая основана на процессе редупликации элементов.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Сознание телесно ориентировано. Как утверждает Марк Джонсон, телесный опыт и воображение составляют основу смыслопорождения — «способность организовывать ментальные репрезентации (особенно восприятия, образы и схемы образов) в осмысленные, связанные единства» [Johnson

1987:140]. Телесный опыт формирует рамки разума, в том числе и по отношению к пространственности, — «непроепозиционные схематические структуры, образно-схематические структуры смысла» [Johnson 1987: 5, 19]. Схемы образов трактуются как «доконцептуальные гештальт-структуры», формирующиеся в результате телесного опыта и различных видов восприятия [Johnson 1987: 74]. Таким образом устанавливаются ментальные связи, которые соединяют связанные когнитивные области через сходство. Схемы образов функционируют как связи между эксплицированными когнитивными доменами. По сути, они представляют собой гештальт-структуры — «повторяющиеся структуры наших перцептивных действий, телесного опыта и когнитивных операций», промежуточное, предконцептуальное звено, некий результат перцепции и телесно ориентированного опыта мировосприятия [Johnson 1987: 79]. Соответственно, схемы образов призваны формировать связи между различными сенсорными, пространственно-временными и материальными модальностями [Rohrer 2005: 174–182].

К этому можно добавить триаду Чарльза Пирса, согласно которой семиотика в синкретических текстах может быть представлена всеми типами знаков — индексами, символами и образами [Peirce 1932: 1903], кроме того, она допускает не только одновременную поликодовую выраженность в тексте сообщения, но и транскодирование одного или нескольких языков коммуникации посредством других.

Семантические поля телесности потенциально насыщают процессы политических меседжей символическими и образными смыслами. Вербально-визуальный симбиоз, помимо когнитивных эффектов, оказывает мотивационное и персуазивное воздействие.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «РУКА МОСКВЫ/КРЕМЛЯ»

В качестве компонентов соматических метафор и фразеологизмов названия частей тела соотносятся с традиционными функциями и символическими значениями. В процессе семиотизации тела в различных культурах соматическим единицам могут приписывать не только универсальные, но и этноориентированные значения. Так, мануальная соматика в массмедиа передает значения, связанные в первую очередь с функциями, выполняемыми рукой, на основе ко-

торых сформировались переносные значения «власть, сила, могущество».

*Стремление американских наблюдателей за любыми политическими процессами в мире увидеть **руку Москвы** параноидально. Если проект евроассоциации с Украиной не получит одобрения голландских обывателей, проще всего, конечно, будет обвинить в этом Путина* (<https://lenta.ru/news/2021/06/04/really/>. 12.09.2024);

*Либеральная идеология изменилась до неузнаваемости. Об этом президент России Владимир Путин заявил в ходе пленарной сессии клуба «Валдай» и порассуждал о причастности **«руки Кремля»** к мировым событиям... «Что из России не исходит — это все происки Кремля. Ну на себя-то посмотрите. Неужели мы такие всемогущие? Любая критика в адрес наших оппонентов воспринимается как **„происки Кремля“, „рука Кремля“**» ...* (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>, дата обращения: 12.09.2024);

*С недоумением узнали из СМИ о **«руке Москвы»** в очередном «шпионском скандале» в Республике Молдова* (<https://moldova.mid.ru/ru/news/press-center/20230710/>. 12.09.2024);

*Путин порассуждал о происках **«руки Кремля»**. Президент России Путин призвал Запад **«не сваливать все на козни Кремля»*** (<https://lenta.ru/news/2022/10/27/putinvaldai/>. 12.09.2024);

*МИД назвал **«руку Кремля»** мировым мемом. Уходящий год прошел под знаком «уже мирового мема», — заявила Мария Захарова журналистам, передает корреспондент РБК. «Пресловутое вмешательство. Оно по-разному называется: **рука Кремля, русские хакеры** и так далее. Конкретика вообще никого не интересует, главное — сформировать устойчивый стереотип, мем», — пояснила представитель МИДа. В мире формируется **устойчивый стереотип вмешательства Москвы** во внутренние дела других государств, считает официальный представитель МИДа* (<https://www.rbc.ru/politics/26/12/2018/5c235f779a7947034c59d884>. 13.09.2024).

В приведенных выше фрагментах новостного политического нарратива представители МИДа РФ комментируют метафору **рука Кремля/рука Москвы** как стереотип, распространяющийся зарубежными СМИ, о якобы незаконных проникновениях, хакерских атаках и вмешательстве России в дела других государств.

Рис. 1. Рука Кремля. Это она, рука Кремля.
Fig.1. The hand of the Kremlin.
 This is it, the hand of the Kremlin
 (<https://dzen.ru/a/X3IMgLqRdky15eNu>.
 13.09.2024)

Рис. 2. Рука Кремля. Кремль начинает работу...
Fig. 2. The Kremlin's hand. The Kremlin starts the work... (<https://cont.ws/@zemelya/1204315>.
 13.09.2024)

Синонимичное выражение *русские хакеры* впервые появилось в СМИ в 2012 г. и закрепилось в западной политической риторике в результате обвинения России в 2016 г. в кибератаках и вмешательстве в президентские выборы в США.

Образ фундируется на метониме *Кремль/Москва*, который отсылает к политонимическому комплексу «Москва. Кремль», используемому со времен СССР для обозначения высших управляющих кругов власти. Вектор семантического переноса выстраивается по следующей когнитивной схеме: *Москва. Кремль* (ассоциации с «сердцем» Москвы, местом предполагаемого нахождения Правительства РФ) → *высшее руководство страны* → *власть* (генерализованный образ) → *власть* (персонифицированный образ) → *рука Кремля/Москвы* (метонимизация власти).

Интернет-мем *рука Кремля* как семиотическая единица ироничной передачи политически значимой информации в российском медиаландшафте обладает значительным вирусным потенциалом. В фокусе метемических конструкций находится референтная система (буквальное отображение Кремля и «руки»), идеологическая система и социальная оценка политической ситуации в контексте аксиологической платформы российского общества. Приводимые ниже мемы на тему «*Рука Кремля*» создаются по принципу фрактальности, когда происходит самокопирование исходных элементов образа — *Кремля* и *руки* в вариативных представлениях.

Языковая игра с семиотическими компонентами в политическом нарративе реализуется посредством использования экстен-

трических приемов маркирования оценки ряда политических заявлений на основе обыгрывания признака первичного референта. *Длинная рука Кремля* символизирует значительную влияние, власть и неограниченные возможности реализации своих целей и достижения своих интересов, которые якобы преследует Россия благодаря действию спецслужб в других странах.

Россия сочувствует озабоченности экс-преьера Болгарии Кирила Петкова «длинной рукой» Кремля. Такое заявление сделала официальный представитель МИД РФ Мария Захарова. <...> «Искренне сочувствуем его озабоченности „длинной рукой“ Кремля. С точки зрения логики и правды, не видим смысла комментировать в отдельности каждое из заведомо ложных утверждений о российском вмешательстве в дела Болгарии, коррупции как нашем „основном внешнеполитическом инструменте“ на Балканах и „обработке“ местных политиков путем организации „выездных туров“ в Грецию», — приводит слова дипломата сайт ведомства (<https://ren.tv/news/politika/1006302-zakharova-posochuvstvovola-ozabochennosti-petkova-dlinnoi-rukoi-kremlia>. 13.09.2024);

Накануне премьер-министр Польши Дональд Туск в эфире TV N24 в очередной раз подтвердил длину этой руки, заявив о подозрении сразу девяти человек в совершении диверсий на территории страны по заказу российских спецслужб (<https://39rus.org/news/policy/66796>);

Если судить по высказываниям западных политиков, рука Кремля — самая длинная рука в мире и её давно уже нужно было внести в Книгу рекордов Гиннеса (<https://39rus.org/news/policy/66796>. 14.09.2024).

Рис. 3. Длинная рука Кремля

Fig. 3. The long arm of the Kremlin (<https://39rus.org/news/policy/66796>. 14.09.2024)

В следующем меме (рис. 3) сохраняется фрактальный элемент *рука*, элемент *Кремль* имплицитно, а в качестве переменного компонента используется страна или регион, которому «угрожает» **длинная рука Кремля**. Отметим, что власть в РФ, как правило, ассоциируется с действующим президентом, поэтому можно предположить, что семиотической доминантой мема «всепроникающей руки с небес» является рука президента В. Путина в приводимом меметическом сообщении.

Так называемая **Длинная рука Кремля** — это «страшилка для Запада», акцентирующая независимую внешнюю политику России. Отражением очередного стереотипа служит заявление премьер-министра Польши Дональда Туска о том, что чрезвычайно опасно оказаться в зоне политических интересов РФ, т. е. **попасться под руку Кремля**:

По словам премьер-министра, под руку Кремля попадает не только Польша, но и Литва, Латвия и Швеция. Тут Туск напомнил о пожаре на складе магазина IKEA в Вильнюсе. ЧП произошло в ночь на 9 мая, сгорели товары, литовская полиция проверяет в том числе версию поджога по заказу российских спецслужб (<https://39rus.org/news/policy/66796>. 14.09.2024).

На официальном канале информационно-аналитического портала **«Рука Кремля»** размещены вербальные, визуальные и визуально-вербальные логотипы.

Сообщество **«Рука Кремля»** позиционирует себя как команду независимых авторов, работающих во благо России. Они не принадлежат ни к одной партии или финансово-промышленной группе, они стоят на страже государственных интересов и отражают свое видение событий. Более того, представители данного сообщества называют себя **Ватниками** (<https://tiraspol-news.ru/society/2023/04/08/45097.html>. 14.09.2024).

Этнофолизм *ватник* используется для пейоративной экзооценки людей, придержи-

вающих пророссийских позиций и поддерживающих политику России. Экзотоним *ватник* появился сначала в карикатурном меме в виде сатирического персонажа «Рашка — квадратный ватник» (<https://www.youtube.com/watch?v=TUsjVwPxiX8>. 15.09.2024). Графическое оформление персонажа в ватнике имеет явную аллюзию к герою мультфильмов Губке Бобу Квадратные Штаны (см.: [Ляшенко, Федюнина 2017: 44]).

Лексема *ватник* («телогрейка, фуфайка, стеганая куртка из ваты») отсылает к временам СССР, когда ватник был элементом зимнего обмундирования военнослужащих, формой рабочей или лагерной одежды. Пейоративное значение появилось изначально в результате дисфемизации, закрепившей собирательный образ карикатурных урапатриотов в антироссийской среде. Иными словами, на «языке ненависти» *ватник* — это пророссийски настроенный человек.

Буквы **Z** и **V**, которые используют российские военные на технике, участвующей в спецоперации, являются народными символами поддержки участников СВО. Символ **Z** расшифровывается как «За победу»/«За победу», «За наших»/ «**Za** наших», а буква **V** обозначает «Сила в правде» и «Задача будет выполнена» (<https://ura.news/news/1052539321#:~:text=Они%20стали%20народным%20символом%20поддержки,11%20века%20используется%20у%20нас>. 15.09. 2024). Считается, что литеры **Z** и **V** используются в качестве обратной транслитерационной замены или символов для привнесения дополнительного патриотического смысла. Как, например, в новостной строке рассматриваемого сайта: **Рука Кремля Z / Сводки СВО/ Курск** (<https://vk.com/rukakremlja>).

Логотип платформы **«Рука Кремля» VruRuKa КремляruZ** (<https://tigrm.ru/channels/@thehandofthekremlin>. 15.09.2024) представляет собой вербальную семиотическую конструкцию, построенную по схеме линейного

зеркального фрактала. Рамочная структура **Vru.....ruZ** фиксируется конечными элементами **V** и **Z**, выполняющими функцию маркеров политической направленности сайта. Путем слоговой редупликации **ru.....ru** формируется внутренняя граница конструкции, где **ru** обозначает национальный домен верхнего уровня для России (от англ. Russia). Интенсификация патриотического контента осуществляется за счет удвоения семантики **ru** (*Russia*) и повтора слога **ру-**, написанного кириллицей в графически прилегающем слове **Рука**.

Один из визуальных логотипов сайта сочетает графику символа **Z**, организующего смысловую фон коллажа, — «**Zа** наших», и кинетическую символику **V** — «**Победа**», «**Zа** победу»/«**Zа** победу». Заимствованное слово *виктория* в значении «победа», от латинского *Victoria* «богиня победы», имело хождение в русском языке XVIII века¹.

На жестовом коде победу символизируют указательный и средний пальцы руки, направленные вверх в форме латинской буквы **V**. Указательный палец на логотипе изображен в форме Кремлевской башни, окрашенной в цвета российского флага (рис. 4).

На альтернативном вербально-визуальном логотипе портала повторяются фрактальные элементы — *флаг РФ*, *Кремлевская башня*, *рука* и символ **V** (рис. 5). Правая сторона знака победы изображена в виде российского триколора, а левая — в форме руки с поднятым вверх сжатым кулаком. Такой жест является многозначным символом, означающим, с одной стороны, единство,

сплоченность, солидарность и поддержку, а с другой — гнев, ярость и непримиримость к врагам. Конвертированные в новом логотипе фрактальные элементы сфокусированы в центре на фоне двойного фрактализованного российского флага.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «МЕРТВАЯ РУКА»

В данном разделе рассматривается семиотика новостного политического нарратива на примере анализа поликодовых образов «*Рука смерти*» (англ. *Death Hand*) и «*Мертвая рука*» (англ. *Dead Hand*), используемых в западной прессе для вторичных метафорических номинаций системы управления ракетными войсками стратегического назначения «Периметр» [Тамерьян, Шаипова 2022: 156–160].

Анализ фрагментов нарративов позволил выявить алгоритм построения многокомпонентных образов, эксплицирующих гиперконцепт «*Смерть/Гибель*» посредством 1) корепрезентирования в мифологическом (мифологема *Смерти*), обыденном (*смерть* как гибель не только людей, но всех живых существ) и политическом (*смерть* как гибель граждан страны, разрушение государства) сознаниях; 2) репрезентирования в диверсивных значениях мануального соматического кода (*рука мертвеца* как символ автоматического приведения в действие ответного ядерного удара после глобальной катастрофы; *рука мертвеца* как символ ответственности власти за принятие решения

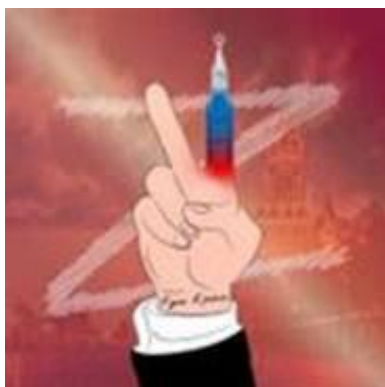

Рис. 4. Информационно-аналитический портал «Рука Кремля»
Fig.4. Information and analytical portal “The Kremlin's Hand”
(<https://tigrm.ru/channels/@thehandofthekremlin>. 10.09.2024)

Рис. 5. Информационно-аналитический портал «Рука Кремля»
Fig. 5. Information and analytical portal “The Kremlin's Hand”
(https://vk.com/hand_the_kremlin. 10.09.2024)

¹ Словарь русского языка XVIII века / под. ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/search?s=виктория+> (дата обращения: 09.09.2024).

Рис. 6. Рука смерти

Fig. 6. Hand of death (<https://topwar.ru/139417-a-by-la-li-mertvaya-ruka.html>. 15.09.2024)

о ядерном ударе; *рука мертвеца* как последнее символическое воззвание прекратить гонку вооружения), 3) манифестирования похоронной атрибутики после катастрофы ядерного удара (*рука из гроба*): гроб маркирует «контейнер последнего пристанища».

«Рука смерти»

Персонификация смерти в виде скелета с косой, как правило, в черном или белом балахоне с капюшоном или саване, присутствует в мифотворчестве многих народов. В британской культуре ее называют *Grim Reaper* — «Мрачный жнец». С этим представлением связано происхождение метафоры «костлявая рука смерти», построенного путем замещения целого образа его деталью или фрагментом. Так, например:

Существование «**Руки смерти**» означает, что Западу всегда придется дважды думать, прежде чем поддаться соблазну нанести ядерный удар (<https://posredi.ru/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka.html>. 15.09.2024).

Британия испугалась обновления российской «**Руки смерти**». Британская газета *Daily Star* рассказала читателям о модернизации созданной в советское время системы управления ядерным ударом «Периметр», которую на западе называют «**Мертвая рука**» (<https://lenta.ru/news/2018/03/29/perimetr/>. 15.09.2024).

«Мертвая рука»

«**Мертвая рука**»: почему в США так назвали русскую систему «Периметр». За границей система «Периметр» известна как **Dead Hand** или «**Мертвая рука**». Такое название российский комплекс получил потому, что он является автоматизированным и позволяет гарантированно довести боевой приказ до всех командных звеньев, имеющих на вооружении ядерное оружие. Это позволяет запустить ракеты даже

при отсутствии связи, то есть незамедлительно ответить на удар врага (<https://x-true.info/81455-mertvaja-ruka-pochemu-v-sshataknazvali-russskuju-sistemu-perimetr.html>. 15.09.2024);

По замыслу создателей «Периметра», подготовка к запуску и сам запуск ракет система может осуществить, если в живых на Земле уже не осталось никого. Ответный ядерный удар возможен при полном уничтожении командных пунктов и линий связи. Эта функция системы объясняет её неофициальное название за рубежом — «**Dead hand**»;

«**Мертвая рука**»: Россия третий раз в истории привела ядерные силы в боевую изготовку (https://aif.ru/dontknows/file/chto_takoe_sistema_perimetr_i_kak_ona_rabotaet 15.09.2024);

Даже простая логика подсказывает, что «**Мертвая рука**» на то и называется мертвой, потому что уже нет живых для ответа и лучше до этого не доводить. Если есть шанс спасти как можно больше россиян, то им следует пользоваться, а не ждать, пока за тебя ответит автоматика (<https://www.tatar-inform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-dругие-iz-yadernogo-kluba-5938850>. 16.09.2024);

Описан ответ «**Мертвой руки**» после нападения на Россию (<https://lenta.ru/news/2021/08/07/deadhand/>. 16.09.2024).

Появление выражения *dead hand* «рука мертвеца» восходит к легенде о том, что некий Билл Хикок во время игры в покер был застрелен во времена Дикого Запада в салуне Nuttal & Mann's Saloo в Дакоте в тот момент, когда держал в руке карточную комбинацию «фулл-хаус». С тех пор эта комбинация ассоциируется с рукой умершего игрока и называется «рукой мертвеца» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Рука_мертвеца. 11.09.2024).

Рис. 7. Как работают «Мертвые руки»

Fig. 7. How Dead Hands work (<https://posredi.ru/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka.htm>. 11.09.2024)

«Рука из гроба»

На Востоке систему «Периметр» назвали **«Рука из гроба»**.

Система гарантированного ядерного возмездия «Периметр», или «Dead hand» — **«Мёртвая Рука»**, как её называют в США, или **«Рука из гроба»** в Японии — это система управления ракетными войсками стратегического назначения (<https://x-true.info/81455-mertvaja-ruka-pochemu-v-ssha-tak-nazvali-rus-skuju-sistemu-perimetr.html>. 12.09.2024).

Символика соматизма рука многозначна, однако в контексте анализа хремотонима «Периметр» (**«Мёртвая рука»/ «Рука из гроба»**) он маркирует власть, властные полномочия, позволяющие принимать и осуществлять судьбоносные решения:

Считается, что у главы государства есть некая **«красная кнопка»**, нажав которую президент осуществляет одновременный массированный запуск межконтинентальных баллистических ракет и запуск баллистических ракет подводных крейсеров стратегического назначения. Глава государства дает только сигнал на разрешение применения ядерного оружия и передает кодовый сигнал на разблокировку ядерных боевых частей (<https://www.gazeta.ru/army/2018/10/28/12038233.shtml>. 12.09.2024).

Как следует из приведенного выше примера, в обыденном сознании осуществление решения о применении ядерного оружия

в России приписывается президенту страны, однако на практике действует более сложная система активации кодового запуска:

Если же под удар попадёт Кремль и глава государства, либо другие ответственные лица **не смогут включить вручную** ядерные установки — в дело вступит «Периметр». Он проверит факт ядерного удара и наличие связи с Генштабом. При отсутствии связи система передаст право запуска ракет любому человеку, находящемуся в бункере. Если связь с Генштабом функционирует штатно — через 15 минут комплекс отключится, так как первые лица государства способны самостоятельно отдать приказ: **«Мёртвая рука»** располагает разнообразными возможностями, но главный принцип системы — ее способность нанести ответный удар, даже если уничтожены все командные центры. Такой подход сводит на нет идею превентивного ядерного удара, когда одна из сторон надеется молниеносной атакой превратить противника в радиоактивный пепел.

В следующем коллаже (рис. 8) редуцируются основные элементы фрактала: Россия на карте/глобусе/рисунке/схеме, все виды наземного, подземного, водного и воздушного вооружения страны, направления ответного ядерного удара системы **«Мёртвая рука»** («Периметр»).

Рис. 8. Как действует «Мертвая рука»

Fig. 8. How the Dead Hand works (<https://posredi.ru/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka.html>. 12.09.2024)

Разворачивание процесса семиозиса на основе метафтономического переноса прецедентного имени **«Мертвая рука»** предпринимается для номинации аналогичного **«Периметру»** по функциям и принципу действия ядерного комплекса Китая в качестве легко считываемого культурного знака, замещающего известную только узкому кругу специалистов реалию. В результате формируется окказиональный апеллатив **мертвая рука** со значением «ядерный комплекс ответного удара»:

По примеру **«Мертвой руки»** СССР. У Китая тоже есть своя **«Мертвая рука»**. Эта система во многом копирует советскую <...>. Китай выступил с очень странной инициативой — чтобы ядерные страны заключили договор о неприменении ядерного оружия первыми (<https://www.tatarinform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-drugie-iz-yadernogo-klub-a-5938850>. 15.09.2024);

Принцип **«Мертвой руки»**: почему идеи Китая не примет Россия и другие из «ядерного клуба». Китай разродился предложением, которое существенно ограничи-

вает суверенитет держав «ядерного клуба», — не применять ядерное оружие первыми (<https://www.tatarinform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-drugie-iz-yadernogo-klub-a-5938850>. 15.09.2024).

Рассмотрим двойную негативно-мортальную метафору на следующем примере:

«Мертвая рука мертвого флота ВМС Украины тянется к «Варшавянкам» ВМФ РФ. Украинское руководство продолжает размышлять о том, как можно остановить постоянные ракетные обстрелы военных объектов ВСУ. В частности, Киев буквально ненавидит экипаж подводной лодки «Варшавянка» который стабильно наносит чувствительные удары по ВСУ (<https://banki.loans/news/post/sp-mertvaya-ruka-mertvogo-ukrainskogo-flota-tyanetsya-k-nashim-varshavyankam>).

Если в метафоре **мертвый флот** (перен. «лишённый признаков деятельности; кажущийся пустым, бесплодным, бездейственным»¹) прилагательное **мертвый** коннотирует слабую дееспособность военно-морского флота Украины, то прецедентный

¹ Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=мёртвый&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=мёртвый&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 09.09.2024).

оним «*Мертвая рука*» маркирует неэффективность ракетных комплексов, состоящих на вооружении ВМС Украины. Таким образом, домен-источник сложной метафоры символизирует не смертоносное воздействие, а нерезультативность маневров флота.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, нами было предпринято герменевтическое осмысление синкретических текстов в российском политическом новостном нарративе на основе выработанного авторами интертеоретического подхода, фундаментального семиотическим инструментарием, которым располагают культурно-семиотический, лингвокогнитивный и фрактальный анализы.

Новый концептуальный ракурс рассмотрения обусловлен двусторонней трактовкой синкретического текста как сложного семиотического образования, которое допускает, с одной стороны, синергетическое формирование смысловых пластов послания несколькими языками коммуникации (вербальным, культурным, визуальным, кинетическим, колоративным и др.) и несколькими типами знаков (индексы, символы и образы) и, с другой стороны, предполлагает транскодирование одного или нескольких кодовых языков другими, преимущественно вербальным.

В рамках выдвинутых концепций утверждается, что вариативное самоподобие выстраивается как способ спиннинга политического нарратива вокруг новостных аттракторов в сетевой форме по принципу фрактала.

На материале представления в массмедиа семиотических комплексов *Рука Москвы/Кремля* и *Мертвая рука* описаны лингвокогнитивные процессы образования данных синкретических конструктов — поликодовость, транскодовость, концептуализация, гиперметафоризация и метафтонимическое блендирование, полиноминативность, символичность. Описаны виды фрактальных моделей синкретических текстов, редулирующих элементы первичного сообщения, применена методика их декодирования и интерпретации.

Гиперметафора фрактальной структуры может быть репрезентирована на основе формулы нелинейной зависимости между результатом и элементами фрактала: $FGM = A_{\text{ver}}\{a+b+c+d+\dots(n)\} + B_{\text{vis}}\{1+2+3+4+\dots(n)\}$, где FGM — фрактальная гиперметафора, A_{ver} — пространство вербальных экспликаций, $a+b+c+d+\dots(n)$ — источники вербальных экспликаций, B_{vis} — пространство невербальных экспликаций, $1+2+3+4+\dots(n)$ — ис-

точники невербальных экспликаций. Также описана линейная зеркальная модель вербального фрактала и установлены рамочные элементы ее границы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ляшенко, И. В. Этнические прозвища русских в украинской и российской блогосферах / И. В. Ляшенко, И. Э. Федюнина. — Текст : непосредственный // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2017. — № 1 (11). — С. 42–48.
2. Тамерьян, Т. Ю. Межпрецедентное семиотическое пространство, или Когда гремят пушки, музы не молчат / Т. Ю. Тамерьян, А. М. Шаипова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 145–166.
3. Cosenza, G. What Can Semiotics Do for Political Communication? / G. Cosenza. — Text : unmediated // *Comunicazione Politica*. — 2020. — 21 (1). — P. 99–114.
4. Danesi, M. Of cigarettes, high heels, and other interesting things: An introduction to semiotics / M. Danesi. — 2nd ed. — London : Palgrave Macmillan, 2008. — 215 p. — Text : unmediated.
5. Dijk, T. A. van. Discourse and manipulation / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // *Discourse & Society*. — 2006. — № 17 (3). — P. 359–383.
6. Goosens, L. Metaphonymy / L. Goosens. — Text : unmediated // *Cognitive Linguistics*. — 1990. — № 1. — P. 323–340.
7. Irvine, J. T. Language ideology and linguistic differentiation / J. T. Irvine, S. P. Gal. — Text : unmediated // *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities* / ed. V. Kroskrity. — School for Advanced Research Press, 2000. — P. 35–84.
8. Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. — Chicago : London : University of Chicago Press, 1987. — 614 p. — Text : unmediated.
9. O’Keefe, D. J. Guilt as a mechanism of persuasion / D. J. O’Keefe. — Text : unmediated // *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice*. — London : Sage Publications, 2002. — P. 329–344.
10. Mihkelsaar, J. Lotman’s semiotic theory of culture or Laclau’s political ontology? / J. Mihkelsaar. — Text : unmediated // *Semiotica*. — 2018. — Vol. 224. — P. 135–163.
11. Peirce, Ch. S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce* / Ch. S. Peirce ; Edited by C. Hartshorne and P. Weiss. — Cambridge, MA : Harvard University Press. — 1932. — Vol. 2. — URL: <https://colorsemiotica.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/08/peirce-collectedpapers.pdf>. — Text : electronic.
12. Rohrer, T. Image Schemata in the Brain / T. Rohrer. — Text : unmediated // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* / Edited by B. Hampe. — Berlin : New York : Mouton de Gruyter, 2005. — P. 165–196.
13. Selg, P. “The Fable of the Bs”: Between Substantialism and Deep Relational Thinking about Power / P. Selg. — Text : unmediated // *Journal of Political Power*. — 2016. — Vol. 9 (2). — P. 183–205.
14. Selg, P. Power and Relational Sociology / P. Selg. — Text : unmediated // *The Palgrave Handbook of Relational Sociology*. — London : Palgrave Macmillan, 2018. — P. 539–557.
15. Selg, P. What is political semiotics and why does it matter? A reply to Janar Mihkelsaar / P. Selg, A. Ventsel. — Text : unmediated // *Semiotica*. — 2019. — Vol. 231. — P. 1–10.
16. Tendahl, M. A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics / M. Tendahl. — Palgrave Macmillan, 2009. — 215 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Lyashchenko, I.V., & Fedyunina, I.E. (2017). Etnicheskie prozvizhcha russkikh v ukrainской i rossijskoj blogosferah [Ethnic nicknames of Russians in Ukrainian and Russian blogospheres]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoy lingvistiki*, 1(11), 42–48. (In Russ.)
2. Tameryan, T.Yu., & Shaipova, A.M. (2022). Mezhprecedentnoe semioticheskoe prostranstvo, ili Kogda gremyat pushki, muzy ne molchat [Interprecedent semiotic space, or When guns

are rattling, muses are not silent]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 4, 145–166. (In Russ.)

3. Cosenza, G. (2020). *What Can Semiotics Do for Political Communication? Comunicazione Politica*, 21(1), 99–114.

4. Danesi, M. (2008). *Of cigarettes, high heels, and other interesting things: An introduction to semiotics* (2nd ed.). London: Palgrave Macmillan, 215 p.

5. Dijk, T. A. van (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society*, 17(3), 359–383.

6. Goosens, L. (1990). Metaphtonymy. *Cognitive Linguistics*, 1, 323–340.

7. Irvine, J.T., & Gal, S. (2000). Language ideology and linguistic differentiation. In P. V. Kroskrity (Ed.), *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities* (pp. 35–84). School for Advanced Research Press.

8. Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, London: University of Chicago Press, 614 p.

9. O'Keefe, D.J. (2002). Guilt as a mechanism of persuasion. In J.P. Dillard & M. Pfafu, *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice* (pp. 329–344). London: Sage Publications.

10. Mihkelsaar, J. (2018). Lotman's semiotic theory of culture or Laclau's political ontology. *Semiotica*, 224, 135–163.

11. Peirce, Ch.S. (1932). *Collected Papers of Charles Sanders Peirce* (Vols. I-VI, Vol. 2, edited by C. Hartshorne & P. Weiss). Cambridge, MA: Harvard University Press. Retrieved from <https://colorysemiotica.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/08/peirce-collectedpapers.pdf>

12. Rohrer, T. (2005). Image Schemata in the Brain. In B. Hampe (Ed.), *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* (pp. 165–196). Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

13. Selg, P. (2016). "The Fable of the Bs": Between Substantialism and Deep Relational Thinking about Power. *Journal of Political Power*, 9(2), 183–205.

14. Selg, P. Power and Relational Sociology. In *The Palgrave Handbook of Relational Sociology* (pp. 539–557). London: Palgrave Macmillan.

15. Selg, P., & Ventsel, A. (2019). What is political semiotics and why does it matter? A reply to Janar Mihkelsaar. *Semiotica*, 231, 1–10.

16. Tendahl, M. (2009). *A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics*. Palgrave Macmillan, 215 p.